

ГЛАВА 9. ИСТОРИЯ КРИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЗДАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИИ

Как уже говорилось, в минувшем веке ученые с большим энтузиазмом взялись за исследование кирилло-мефодиевского перевода Ветхого Завета. Связано это было, конечно, с межконфессиональными спорами и, в первую очередь, с ростом протестантизма. Следствием этого процесса была активизация библейской критики: острота конфликта реформаторов с католиками направляла горячие протестантские умы по пути «более свободного» исследования Божественного Откровения. Исходя из принципа М. Лютера, основание веры они стали искать в свободном изучении Слова Божия; греческий и масоретский тексты Св. Писания подверглись тщательному научному допросу, документированию и потом, как следствие, рассмотрению под углом зрения собственных человеческих изысканий и возможностей в природе и в истории. Библейская критика, касающаяся, в частности, Ветхого Завета, стала строить на фундаменте науки и историю евреев, и историю еврейской литературы*. С научной

(*) *Михайлов А. В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912. Ч. I. Паримийный текст. С. CLII–CLVI.

точки зрения подошли и к вопросу об истории различных редакций текста Ветхого Завета. Т. о., под влиянием религиозных катаклизмов, а также философского творчества английских мыслителей, в частности, Локка († 1704), догматическое отношение к тексту Св. Писания уступило место критическому и положило начало научному изучению древних переводов Библии. Отсюда на Западе возникли и развились новые научные дисциплины — библейская филология и библейская критика, которые преимущественно учреждались на кафедрах немецких университетов. Ученые обратили внимание на изучение восточных языков и на открытие и печатание новых библейских текстов, переиздание старых и критическое изучение тех и других. В ходе этой работы XVIII век — «век просвещения» — оставил ученому миру множество капитальных изданий и исследований библейского текста, которыми все пользуются и в настоящее время. Данные разработки библейской филологии и критики явились весьма значительными в развитии библейской экзегезы со всем кругом вошедших в нее научных предметов (языкознание, археология, история и пр.), включая критическое изучение древнеславянского перевода Библии. В школе библейской экзегетики получил свое филологическое образование и первый ученый славянской науки — Иосиф Добровский, который стал пионером в плесде ученых-славистов, положивших основание науки об изучении древнеславянского перевода Библии*. Именно он в какой-то степени, сдвинул с мертвой точки изучение кирилло-мефодиевского наследия в России: он установил, на основании собранного к началу XIX в. материала, какова ценность Елизаветинской, Острожской и Геннадиевской Библий; он первый поднял вопрос о собирании и изучении рукописного наследия России. Помимо проблемы объема литературной деятельности

(*) Там же.

Кирилла и Мефодия, Й. Добровский первым из славистов поставил один из важнейших вопросов славянской библейской филологии — вопрос о греческих источниках славянской Библии*. Собственно, с Йозефа Добровского (и его учителя Михаэлиса) начался увлекательный поиск пропавших сокровищ славян, их наследия, полученного им от свв. Кирилла и Мефодия, а заодно и протографа славянского текста Библии — греческого текста Семидесяти.

В православной России к началу XIX в. оказалось достаточно пытливых научных умов, подхвативших идеи Добровского. Русская академическая элита признавала очевидную неудовлетворительность внешнего качества библейского текста Славянской Библии в том виде, в каком он оказался после выхода елизаветинского кодекса Св. Писания. Ими стали предприниматься шаги по исследованию и улучшению данного текста. Так начинается история критического изучения Славянской Библии в России.

Первой публикацией такого рода в России можно считать «Краткий исторический очерк о проникновении письменности в Россию» братьев Каржавиных их книге «Remarques sur la langue russe et sur son alphabet» («Заметки о русском языке и его алфавите»). СПб., 1791. В ней повествуется о том, что русская церковь с самого начала употребляла для церковной службы книги, переведенные с греческого на славянский Кириллом Философом**. За этим очерком хронологически следует публика-

(*) *Камчатнов А. М.* История и герменевтика Славянской Библии. М., 1998. С. 6.

(**) *Долгова С.* Неизвестное русское сообщение XVIII в. о Кирилле и Мефодии в книге Ф. В. Каржавина и Е. Н. Каржавина «Заметки о русском языке и его алфавите» // Кирило-Методиевские студии. София, 1988. Кн. 5. С. 192.

ция К. Ф. Калайдовича «Иоанн Экзарх Болгарский» (1824 г.), в которой автор, основываясь на историческом свидетельстве Пролога Иоанна Экзарха, утверждает, что славянскими Первоучителями была переведена вся Библия*.

Следом за книгой Калайдовича в 1837 г. появилась обстоятельная статья киевского профессора О. Новицкого «О первоначальном переводе Священного Писания на славянский язык». Повизна этой статьи заключалась в том, что в ней было «указано на необходимость изучения такого источника, как древние паримийники, в которых надо искать остатки кирилло-мефодиевского перевода ветхозаветных книг... О. Новицкий считал известие Иоанна экзарха о переводе Мефодием полного текста Библии вполне достоверным**». В его статье было произведено доскональное исследование синодального свода Иоакимовской Библии (1558). При описании этого кодекса им было точно установлено, какие из библейских книг переведены с греческого, а какие — с латинского***. Исследование Новицкого было по сути своей предтечей таких капитальных монографий, как «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» А. Горского и К. Невоструева. Им же первым была выдвинута гипотеза о трех редакциях библейского перевода: кирилловской, мефодиевской и поздней — XIII–XIV вв. (в которую вошли переводы из Вульгаты). Новицкому также принадлежит

(*) *Калайдович К. Ф.* Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824. С. 12.

(**) *Камчатнов А. М.* Указ. соч. С. 7.

(***) По мнению О. Новицкого, с Вульгаты полностью были переведены следующие библейские книги: 1-я и 2-я Паралипоменон, 3-я Ездры, Неемии, Товит, Юдифь, Премудрость Соломона, 2-я Маккавейская, Есфирь и Иеремия. В суждении о последних двух книгах Новицкий ошибся. По мнению его последователей А. Горского и К. Невоструева, книги эти были переведены с Вульгаты фрагментарно (см. *Михайлов А. В.* Опыт... С. ССIV–CCV, прим. 3)

идея связывать лексические варианты рукописей с разными редакциями перевода*.

В публикации А. В. Горского в журнале «Москвитянин» (1843) тема библейских редакций славянского перевода была продолжена. По мнению автора, в год смерти Мефодия (885 г.) имелось два перевода: кирилловский — богослужебный — Евангелие, Апостол, Псалтирь и Паримийник, — и мефодиевский, дополнивший богослужебный текст до четьего**.

Этим же автором в сотрудничестве с проф. К. И. Невоструевым по благословению свт. Филарета (Дроздова) была начата публикация «Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», открывшая целую эпоху в области критического изучения славянских библейских текстов.

«Замечательная не многочисленностью, а качеством своих рукописей и систематичностью их подбора, эта историческая библиотека начала описываться в славянской своей части светскими учеными — Погодиным и Ундольским, жаловавшимися в то же время на недоступность ее сокровищ», что «побудило митрополита в 1849 г. поручить дело описания Горскому», «познаниям и духовной опытности» которого он верил***. Последний выбрал себе в помощники магистра московской академии, проф. К. И. Невоструева. По оценке проф. СПбДА С. Смирнова, «Описание рукописей Горского и Невоструева является самым лучшим русским трудом в этом роде»: оно составляет основу для изучения славяно-русской письменности; это Описание — сокровищница критически очищенных фактов для истории славянского перевода Библии и проч.**** Несмотря на это востор-

(*) Михайлов А. В. Опыт... С. ССIV–ССVIII; Камчатнов А. М. Указ. соч. С. 7;

(**) Камчатнов А. М. Указ. соч. С. 8.

(***) Смирнов С. Горский А. В. // ПБЭ. Пг., 1903. Т. IV. С. 545.

(****) Там же. С. 546.

женное замечание, данное исследование остается все же трудом описательным, не имеющим достаточного научного аппарата и серьезных исследований. Как пишет проф. А. В. Михайлов в своем «Опыте изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе», «современный историк кирилло-мефодиевской старины, при решении тех или других вопросов по переводу ветхозаветных книг на славянский язык, не найдет в этой книге ни пособия, ни даже подходящего рукописного материала, так как тот материал, который здесь имеется, очень бедный, поздний и — главное — односторонний»*. Однако тот же автор никак не отрицал «качества» труда Горского и Невоструева: по его мнению, они поднимали и даже затрагивали слишком важные вопросы славянской письменности, чтобы наука могла отнестись к ним равнодушно или удовольствоваться теми выводами, к каким пришли эти исследователи**. Касательно, например, темы греческого протографа, А. В. Горский и К. И. Невоструев пришли к выводам в духе времени — ими была выдвинута гипотеза, что разные билейские книги Геннадиевской Библии восходят к разным редакциям текста LXX:

1. Псалтирь, кн. Судей, Песнь Песней, кн. прор. Иезекииля, кн. прор. Даниила относятся к так наз. «*александрийской*» редакции LXX-ти.

2. Кн. Царств, кн. Иова, кн. Премудрости Иисуса, сына Сирахова, кн. прор. Исая, кн. прор. Иеремии — к «*лукиановской*» редакции.

3. Пятикнижие, книги Иисуса Навина, Руфь, Притч Соломона, Екклесиаст, малых пророков — трудно отнести к какой-либо из редакций LXX***.

(*) Михайлов А. В. Опыт... С. ССXLIII.

(**) Там же. С. ССXLIII.

(***) Камчатнов А. М. Указ. соч. С. 9.

Но вернемся вновь к рецензии А. В. Михайлова на «Описание». «После Горского и Невоструева, — далее пишет он, — изучение ветхозаветных книг Св. Писания в славянском переводе остановилось на долгое время, до начала, даже середины последнего десятилетия прошлого века. Это случилось, конечно, не потому, что иссяк интерес ученых к этому переводу или вопрос о нем был исчерпан капитальным трудом авторов “Описания...” Нет. Труд Горского и Невоструева мог, напротив, только усилить этот интерес: он поднимал и даже затрагивал слишком важные вопросы славянской письменности, чтобы наука могла отнестись к ним равнодушно или удовольствоваться теми выводами, к каким пришли исследователи.

Причина перерыва в изучении ветхозаветных книг славянской Библии была иная.

Описание полного свода этой Библии по рукописям XV–XVI вв. наглядно показало, что изучать перевод ветхозаветных книг, а тем более делать какие-либо общие выводы по этому переводу без основательного знакомства со всем разнообразием рукописного материала невозможно, а в смысле результатов — бесполезно и даже вредно, если иметь более широкий круг читателей. Между тем, этот важный материал в то время не только не был издан и не описан, но даже во многих хранилищах рукописей не был приведен в известность по простым перечням библейских книг. Поэтому, приходилось сначала разыскивать и описывать ветхозаветные тексты, и на такую предварительную работу по изучению этих текстов тратилось, понятно, немало времени и сил. Тем не менее, эта важная работа до начала 90-х гг. прошлого столетия была, можно сказать, закончена, и славянская наука узнала почти о всех ветхозаветных текстах, какие нашлись в библиотеках русских и заграничных*. В числе этих

(*) См.: *Карповский Е.*, проф. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901. С. 18–32.

текстов за это время были описаны и все наиболее древние и важные по своему значению, паримийные и четьи; например, Григоровичев и Лобковский паримийник, Осмикнижие XIV в. Троице-Сергиевой лавры, Осмикнижие XV в. П. И. Севастьянова, рукопись Ундольского № 1 XV в., Осмикнижие и книги Царств Григоровича XVI в., и мн. др.»*. Рукописный материал в конце XIX века, следовательно, значительно увеличился; надлежащей же переработки, изучения и издания его не производилось, а потребность в таком издании «чувствовалась сильнее, чем прежде, и, главным образом — для решения вопроса об объеме литературной деятельности Первоучителей по переводу Св. Писания. Прежде, до Горского, а отчасти и самим Горским этот вопрос разрешался главным образом по свидетельствам исторических источников кирилло-мефодиевской старины; что же касается показаний текстов, то при бедности этого материала, они имели значение лишь в глазах филологов; теперь же, с увеличением текстуального материала, при разнообразии его качества и происхождения, решающее значение в данном вопросе даже историками было признано за филологическими показаниями; так В. А. Бильбасов в 1871 г. заявил, что «окончательное решение этого вопроса зависит не от исторических изысканий, но от исследования языка и рукописей, насколько то и другое сохранилось и доступно филологической и палеографической разработке»**. Но такой грандиозный труд издания, и — конечно — в полном объеме ветхозаветной Библии, мог быть по силам и средствам лишь целому научному предприятию, а не отдельным лицам, которые, поэтому, его и избегали»***. Избегали, но ра-

(*) Михайлов А. В. Опыт... С. CCXLIII–CCXLIV.

(**) См.: Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий. СПб., 1871. Ч. II.

С. 31.

(***) Михайлов А. В. Опыт... С. CCXLIV–CCXLV.

ботать в этой области не переставали. Всю вторую половину XIX века известные слависты-филологи решали вопрос о языке и письме св. братьев-первоучителей. Но «разработка этого коренного вопроса требовала издания и изучения прежде всего наиболее древних текстов церковнославянской письменности, кириллических и глаголических, т. е. Евангелия, Апостола и Псалтири. На изучение этих библейских книг, а также других памятников письменности в древнейших списках XI–XII вв. и сосредоточилось все внимание славянских ученых в данный период»*.

В это время — 50–90-е гг. XIX века — из всех ветхозаветных книг, естественно, изучалась и издавалась одна только Псалтирь (труды Бергича, акад. И. И. Срезневского, архим. Амфилохия, В. И. Срезневского, Гейтлера, акад. И. В. Ягича, Вальянца и др.); но она так и осталась не изученной до конца в своем полном своде по всем сохранившимся рукописям XI–XV вв. Осталась она и без специального исследования истории этого текста у южных славян и в России**.

Судьба древнеславянских текстов других ветхозаветных книг сложилась в то время еще хуже. После выхода в свет «Описания...» Горского — Невоструева в течение 30-ти лет на эти библейские тексты почти никто не обращал внимания. За это время были лишь напечатаны некоторые отрывки из разных ветхозаветных книг, и то только «в виде образцов текстов, по отдельным рукописям разного времени и происхождения, что... лишало интересующегося всякой возможности приступить к изучению перевода этих отрывков, т. е. без пользования рукописным материалом, многим совсем недоступным»***. Однако,

(*) Там же. С. CCXLV.

(**) Там же. С. CCXLVI.

(***) Там же. С. CCXLVII.

по замечанию того же Михайлова, эти тридцать лет молчания все же не прошли даром для славистики, и ученая литература о древнеславянском переводе библейских книг тоже понемногу выходила. «Изучение древнейших текстов церковнославянской письменности, а в их числе переводов Евангелия, Апостола и Псалтири, пад чем в это время сосредоточивалось почти исключительно внимание всех выдающихся славистов-филологов, превосходно подготовило почву для изучения ветхозаветной Библии, так что интересующийся этой Библией в смысле осведомленности в предварительных знаниях оказался к началу 90-х годов в несравненно более выгодном положении, чем это было при Горском и Невоструеве»**.

Во второй половине XIX в. славянская наука вполне разработала филологические вопросы о церковнославянском языке и письме:

во-первых, ею были установлены древнейшие нормы того и другого;

во-вторых, ею было определено взаимоотношение кириллицы и глаголицы, а также основные типы и изводы церковнославянского языка (древнейшие и более поздние);

в-третьих, ею было доказано единство происхождения перевода Евангелия, Апостола и Псалтири по текстам кирилловским и глаголическим;

в-четвертых, ею было выяснено доминирующее значение глаголицы;

в-пятых, ею были даны образцы изучения перевода Св. Писания (в трудах Ягича, Облака, Вондрака);

в-шестых, она разрешила и пришла к заключению, что кирилло-мефодиевские переводы с греческого уже с древнейших времен подвергались неоднократным изменениям и поправкам, и

(*) Там же. С. CCXLVIII.

не только по воле отдельных писцов и справщиков, но и по требованиям целых литературных школ, руководствовавшихся определенными началами в их исправлении (изводы симеоновские, тырновские, рессавские) и т. д.*

«Все это, вместе взятое, конечно... облегчало труд будущих издателей и исследователей ветхозаветных текстов Св. Писания: те и другие отсюда могли позаимствовать не только руководящие указания при выборе и оценке этих текстов, но и богатый язычный материал для разного рода необходимых аналогий, сближений и частных выводов по своему предмету»**. Т. о., для всех желающих взяться за специальное изучение той или иной книги Ветхого Завета в древнеславянском переводе «эти указания и аналогии являлись уже нравственно обязательными как в силу их высокой ценности для пользы дела, так и вследствие литературной преемственности, при разработке одних и тех же или однородных вопросов по новым рукописным материалам»***.

После непродолжительного затишья изучение древнеславянского перевода ветхозаветных книг возобновилось.

В 1890 г. вышла диссертация В. Лебедева «Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Ост-

(*) Там же. С. ССXLIX. Данный перечень выводов Михайлова остался классическим для славянской филологии (*Мошин В. А.* Палеографически-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. I. М., 1973. С. 44; *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. М., 1978. С. II–14).

*(**) *Михайлов А. В.* Опыт... С. ССXLIX.

(***) Там же.

рожской Библии», в которой, по мнению А. В. Михайлова, было очень трудно найти какое-нибудь элементарное познание в области кирилло-мефодиевской проблематики, но зато там были «беспринципность и отсутствие какого-либо критического чутья»*. В 1894 году появилось исследование ученого из Новороссийского университета — М. Г. Попруженко о рукописи 1—4 книг Царств из собрания Григоровича. После этого работа по изданию и исследованию ветхозаветных текстов Св. Писания кириллического и глаголического письма постепенно оживилась: с середины 90-х годов XIX века стали регулярно выходить различные научные труды, касающиеся непосредственно ветхозаветных книг в древнеславянском переводе. «Начало этим занятиям в печати было положено проф. Р. Ф. Брандтом, который с 1894 г. стал издавать очень важный ветхозаветный текст — Григоровичев паримийник XII в.»**. В том же году в «Христианском чтении» появилась небольшая, но дельная статья тогда еще молодого кандидата богословия И. Е. Евсеева под заглавием: «Лукиановская рецензия LXX-ти в славянском переводе», а три года спустя (в 1897) его первое большое исследование «Книга прор. Исаии в древнеславянском переводе». После книги прор. Исаии проф. Евсеев напечатал ряд других работ, посвященных изучению древнеславянского перевода ветхозаветных книг, в основном, пророческих. Первые пять статей, появившихся в 1898–1901 гг. под общим заглавием «Заметки по древнеславянскому переводу Св. Писания» имели такие заголовки:

1. О древнегреческом оригинале первоначального славянского перевода.
2. О книге Есфирь.

(*) Там же. С. CCLI–CCLLII.

(**) Там же. С. CCLXIV.

3. Следы утраченного первоначального перевода пророческих книг на славянский язык.

4. Толкования пророческих книг с обличением жидовина.

5. Толкования на книгу пророка Даниила в древнеславянской и старинной русской письменности*.

Профессор Варшавского университета А. В. Михайлов с 1900 по 1908 г. издал ряд трудов, посвященных кирилло-мефодиевской старине — «основе всех славянских литератур». Это:

1. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. I. Варшава, 1900.

2. К вопросу об издании памятников славяно-русской письменности. СПб., 1903.

3. Литературное наследие свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях. Варшава, 1904.

4. О новых изданиях хорватских глаголических текстов. Варшава, 1905.

5. Греческие и древнеславянские паримийники. Варшава, 1908.

6. Древнеславянский перевод на Руси. Варшава, 1908, а также ряд статей о толковой палее, напечатанных в 1895–1896 гг. в «Варшавских университетских известиях»**.

Далее, в 1898 г. проф. М. Н. Сперанский издал «Заметки о рукописях Белградских и Софийских библиотек», а в 1900 году вышел в свет большой и очень важный труд акад. И. В. Ягича «Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache»***

(*) Там же. С. CCLXXXV.

(**) Там же. С. CCLXIV.

(***) *Jagič V. Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. 1. und 2. Hälfte. Wien, 1900. (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophische-Historische Classe).*

(«По поводу становления церковнославянского языка»), представлявший из себя всесторонний пересмотр кирилло-мефодиевского вопроса в его полном виде, на основании бывших и вновь открытых источников о жизни и просветительской деятельности Первоучителей славян*. Одновременно с книгой акад. И. В. Ягича появилась интересная статья акад. И. И. Соболевского, под заглавием «Церковнославянские тексты моравского происхождения», напечатанная в 1900 г. в «Русском филологическом вестнике» (т. XLIII).

В 1902 году Р. Нахтигелем было написано «Несколько заметок о следах древнеславянского паримийника в хорватско-глаголической литературе**», в которых он сравнил глаголический текст книг Бытия, Царств, прор. Исаии и 12-ти малых пророков с кирилловским, а также с греческим и латинским. При этом он пришел к выводу, что кирилло-мефодиевский паримийник имел влияние на хорватские глаголические миссалы и бревиарии, что, в свою очередь, «подтверждает взгляд на древнеславянский перевод паримийника, как на несомненный труд свв. Первоучителей***».

Серьезное внимание о сохранении и издании древних памятников глаголической письменности было обращено одним из наиболее деятельных членов Старославянской академии, чешским ученым Иосифом Вайсом. Им в частности были изданы:

1. Recensio croatico-glagolitici fragmenti Verbenicensis. Veglae, 1903.
2. Liber Job ex breviario Noviano II transcriptum cum variis lectionibus aliorum codicum... Veglae, 1903.

(*) Михайлов А. В. Опыт... С. ССХСIII.

(**) Древности: Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1902. Т. III. С. 175–213.

(***) Михайлов А. В. Опыт... С. CCCIV–CCCVII.

3. Liber Ruth ex codice biblioth. Palatinae Vindobonensis transcriptum... Veglae, 1905.

4. Liber Ecclesiasticus ex breviario I Verbenic. transcriptum etc. Veglae, 1905.

5. Propheta Ioel ex breviario bibl. Palatinae Vindobonensis transcriptum etc. Veglae, 1908.

6. Propheta Oseas ex breviario C. R. biblioth. aulicae Vindobonensis etc. Veglae, 1910.

7. Nejstarši breviář chrvatsko-hlaholský (prvý breviář Vrbnický) etc. V Praze, 1910.

8. Propheta Habacuc ex breviario C. R. biblioth. aulicae Vindobonensis etc. Veglae, 1912, а также его труд, из которого видно, какие именно ветхозаветные книги и в каком объеме вошли в хорватские глаголические бревиарии: «*Nejstarši Breviář*»*.

Эти труды И. Вайса стали капитальным вкладом в изучение переводной деятельности Первоучителей славян. Много нового и очень ценного материала было пущено в научный оборот, где он был основательно разработан и исследован.

В 1902 г. в Казани П. Юнгером было издано «Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги»**, в котором он последовательно разбирал все имеющиеся переводы Св. Писания, и в том числе перевод славянский. Автор подробно останавливается на происхождении, истории текста в рукописном виде, истории перевода в печатном виде, русском переводе славянского текста Библии. П. Юнгер, несмотря на основательность своих трудов, однако, не считал себя специалистом-славистом***, что позволило ему некоторые открытые во-

(*) Там же. С. CCCXXXI–CCCXXXII.

(**) Юнгер П. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. Казань, 1902.

(***) Там же. С. 508.

просы славянской филологии мудро обходить молчанием. Впрочем и его молчание иногда нарушалось принципиальным суждением. Так в вопросе об объеме переведенных свв. братьями ветхозаветных текстов автор данного «Введения» твердо стоит на позициях Горского — Невоструева, Калайдовича и архиеп. Филарета (Гумилевского), которые считали, что Кириллом и Мефодием были переведены все книги Нового Завета и Ветхого Завета, кроме Маккавейских*.

В 1905 году явился второй большой труд проф. И. Е. Евсеева по изучению древнеславянского перевода Св. Писания. Это было исследование о книге прор. Даниила**, в котором было две части (одна посвящена древнеславянскому переводу кн. прор. Даниила, другая — его предполагаемому греческому протографу) и приложение (славянский и греческий тексты указанной книги). Примечательным в этой книге был очерк изданий библейских текстов и разделение их автором на три редакции или переводческие линии, берущие начало от греческого текста LXX-ти:

к первой, паримийной редакции, относится часть кн. пр. Даниила (неполные 2, 3 и 10 главы), которую автор приписывает свв. братьям;

ко второй редакции проф. Евсеев относит текст кн. прор. Даниила, находящийся в Сборнике Архива Министерства иностранных дел № 902 (XV в.); эту редакцию он приписывает св. Мефодию;

к третьей редакции относятся тексты, находящиеся в «катенах»; их Евсеев отнес к эпохе болгарского царя Симеона и назвал «симеоновскими».

(*) Там же.

(**) *Евсеев И. Е.* Книга прор. Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.

Данное редакционное разделение Евсеева основывается им на исторических и текстуальных материалах (при этом автор привлекал труды таких ученых, как Ягич И. В.^{*}, Соболевский А. И.^{**}, Лавров П. А.^{***}, Погорелов В. А.^{****}, Нахтигаль Р.^{5*}, Сперанский М. Н.^{6*}, Михайлов А. В.^{7*}, Попруженко М. Г.^{8*} По замечанию Михайлова, такое «подкрепление» придало выводам Евсеева большую убедительность и вес^{9*}.

(*) *Jagič V.* Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. I–II. Wien, 1900; *его же*: Рецензия на «Заметки по древнеславянскому переводу св. Писания» проф. Евсеева // *Arch. für Slav. Phil.* Bd. XXIV (1902). S. 254 и др.; *его же*: Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884.

(**) *Соболевский А. И.* Церковно-славянские тексты моравского происхождения // РФВ. Т. XLIII (1900); *его же*: Переводная литература Московской Руси XIV–XVII в. СПб., 1903.

(***) *Лавров П. А.* Рецензия на книгу акад. Ягича «Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. I–II. Wien, 1900».

(****) *Погорелов В. А.* Псалтыри. М., 1902.

(5*) *Нахтигаль Р.* Несколько заметок о следах древнеславянского паримийника в хорватско-глаголической литературе // Древности: Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1902. Вып. III.

(6*) *Сперанский М. Н.* К истории славянского перевода Евангелия // РФВ. Т. 41 (1899); Т. 43 (1900).

(7*) *Михайлов А. В.* К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в хорватских глаголических миссалах и бревиариях. Варшава, 1904; *его же*: Книга Бытия прор. Моисея в древнеславянском переводе. Варшава. Вып. I. 1900; вып. II. 1901 и вып. III. 1903.

(8*) *Попруженко М.* Из истории литературной деятельности в Сербии XV в. Книги Царств. Одесса, 1894.

(9*) *Михайлов А. В.* Опыт... С. CCCXI–CCCXIII.

Как видно, молодая академическая славянская наука в начале XX века стала располагать значительным новым материалом, который не был известен издателям последнего, по времени, издания Славянской Библии. К этому надо прибавить и немалый научный опыт, накопленный в ходе изучения славянского перевода ветхозаветных книг Св. Писания. Этот опыт и выявил неудовлетворительность последнего Елизаветинского кодекса Славянской Библии, что побудило выпустить ее новое научное издание на славянском языке. Попытки организации этого важного дела в России стали предприниматься уже в начале XX века.

В 1903 году проф. А. В. Михайлов поднял этот вопрос на Съезде русских филологов в Петербурге. Съездом была направлена делегация для ходатайства об организации издания Славянской Библии на средства Синода, но удовлетворено это ходатайство не было. Одновременно со Съездом филологов, перед Синодом об организации научного издания стал ходатайствовать и проф. Евсеев, которому также было отказано, несмотря на то, что им были представлены три варианта организации издания. Наконец, в 1911 году в Синод обратились члены Совета Санкт-Петербургской Духовной академии с ходатайством об учреждении при Санкт-Петербургской Духовной академии Комиссии по научному изданию Славянской Библии. Это ходатайство поддержал XV Всероссийский археологический съезд, собравшийся в Новгороде. В 1912 г. неустомимый И. Е. Евсеев в «Записке о научном издании славянского перевода Библии и проекте означенного издания» представил концепцию издания «национальной Библии», что в итоге и предрешило судьбу данного предприятия. В 1914 году Синод принял решение учредить при Санкт-Петербургской Духовной академии Комиссию по научному изданию Славянской Библии — национальной святыни славян.

Согласно И. Е. Евсееву, создание «национальной Библии» должно было пройти в два этапа:

1. Путем филологического исследования доступного славянского рукописного материала должна была выясниться история Славянской Библии во всех ее переводах, переделках и редакциях; завершиться этот этап должен был реконструкцией того первого славянского текста, который был создан в свое время святыми Кириллом и Мефодием.

2. На втором этапе должен был быть произведен перевод греческого текста на русский литературный язык. При расхождении в тексте греческих источников предпочтение должно было отдаваться тому из них, с которым согласен перевод свв. Кирилла и Мефодия. Так как солунские братья находились на уровне богословских воззрений своего времени и вполне, без каких-либо отступлений, следовали святоотеческому преданию, то их понимание того или иного места и должно было быть положено в основу перевода*.

Для выполнения чрезвычайно трудного первого этапа была учреждена 28 января 1915 года при Петроградской Духовной академии Комиссия под председательством преосвященного Анастасия. В ее состав вошли практически все известные исследователи древнерусской и древнеславянской письменности: слависты, текстологи, архивариусы из Духовных академий, из Академии наук и университетов России. Задачей данного научного предприятия было изучение и издание текста Славянской Библии «во всех главных ее исторических проявлениях, или изводах, с тем, чтобы при ее посредстве твердо установить первоначальный вид древнеславянской Библии до ее позднейших изменений и наслоений. Для выполнения этой задачи предстояло изучить все рукописи библейского текста от XI до XVII веков, каковых для

(*) *Алексий (Макринов)*, иерод. Вклад С.-Петербургской — Ленинградской Духовной академии в развитие библеистики // БТ. Юбилейный сборник ЛДА. М., 1986. С. 207.

книг Ветхого Завета насчитывалось свыше 4000 в русских и зарубежных библиотеках. Результаты этого изучения должны были бы вылиться в ученые издания каждой книги славянской Библии с параллельными столбцами отдельных изводов, с разночтениями из отдельных важнейших списков каждого извода. Вместе с тем, естественно, должна уясниться и история всей Славянской Библии. Все научные издания Славянской Библии предполагалось осуществить в 60 лет^{*}. Так было заявлено в «Известиях Библейской комиссии» (№ 1 за 1916 год), выпущенном в Петрограде, оказавшимся в то время в центре исторических событий, которые стали разыгрываться тогда в России. Рассчитывать на быстрый и легкий успех грандиозного предприятия было нереально. Но научная деятельность Комиссии, несмотря на возникшие трудности, связанные с неблагоприятными условиями военного времени (шла 1 мировая война!), сделавшими многие книгохранилища недоступными, продвигалась успешно.

В 1915–1917 гг. состоялось восемь собраний и заседаний Комиссии, а также несколько заседаний ее исполнительного комитета. Комиссии удалось представить к изданию ряд важнейших списков Библии и отдельных библейских книг, а также выпустить указатель славянских библейских рукописей^{**}. Но особенно важным было то, что Библейская Комиссия выработала программу, а также теоретические принципы исследования и научного издания Славянской Библии^{***}. Смысл их заключался в следующем: в выработанных Библейской комиссией «Руководственных соображениях и правилах для академического издания славянской Библии» предполагалось изучить весь рукописный

(*) Документы Библейской комиссии // БТ. Сб. 14 (1975). С. 222.

(**) Там же. С. 222.

(***) Кирилл (Гундяев), архиеп. К вопросу о реконструкции Кирилло-мефодиевского перевода Священного Писания // ЖМП. 1981. № 3. С. 50.

наличный материал. Также предполагалось, что наименее ценные списки XVII века и второй половины XVI века, по рассмотрении могут быть совсем оставлены без привлечения в издание. Остальные списки изучаются применительно к представляемым ими основным редакциям перевода. Для уяснения редакции могут оказаться достаточными не все, а только первые по сравнительной цельности и значительности текста списки. Чтения, не характерные для редакции в целом, не должны были включаться в издание. Одновременно с изучением и исследованием библейских списков производится изучение библейского материала, содержащегося в небиблейских текстах: хронографах, палеях, «катенах», переводах святоотеческих творений, сборниках — преимущественно древнейших*. Это все, что касается принципов исследования и изучения славянских библейских рукописей.

Техника же издания предполагалась следующая: каждая книга для обеспечения цельности и согласованности должна быть поручена одному ученому; в крайнем случае число сотрудников, работающих над одной библейской книгой, могло определяться предполагаемым количеством редакций Священного текста с тем, однако, условием, чтобы ответственность за сводку материала лежала на одном лице. Каждая редакция библейской книги печатается отдельно, параллельно с другими редакциями той же книги; в основу редакции полагается лучший список редакции. Издание предполагало по возможности очищенный, удобочитаемый текст, с современной пунктуацией, с исправлением заведомо испорченных чтений**. Также в число технических рекомендаций входили очень важные указания на недопустимость механического сведения воедино всех рукописных вариантов без предварительного их изучения, на необходимость изучения всех доступных списков каждой книги, разбивая их на естественные

(*) Там же.

(**) Документы Библейской комиссии. С. 169.

гнезда (изводы) и, т. о., в издании рекомендовалось давать не нагромождение сырого материала, а исторически существовавшие изводы книг*. При определении редакций, помимо сопоставляемого славянского материала, необходимо отыскивать также и соответствующие им греческие оригиналы, являющиеся свидетельствами первоначальной судьбы и вида переводов**. Такая черновая работа должна была стать лишь только сортировкой рукописей по редакциям. Масса же отдельных чтений, определяемых как второстепенные, должна быть опущена, что «будет не ущербом, а достоинством издания, так как издание не будет засоряться ненужным материалом»***.

Т. о., предварительный период обследования рукописей представлялся *ситом*, оставляющим одно и исключаящим другое, ибо «ценность списка определяет извод, а не значение извода определяется списком. Списки, стоящие за пределами ценных для извода, не имеют цены для издания Библии и не вносятся в издание, хотя могут быть использованы в сопутствующих изданию Библии материалах по славянскому библейскому тексту. При таком плане работ по изданию не будет громоздкого черного материала, его собирание не будет подавлять дух и энергию сотрудников, и вообще Библия не будет засорена ненужным, не относящимся к ней случайным материалом. При осуществлении такого плана не потребуется миллионной организации для выполнения черновой механической работы»****.

Однако, планам Комиссии не суждено было осуществиться. Исторические условия не благоприятствовали ее работе, и Комиссия в дальнейшем вообще прекратила свое существование. Из предполагавшихся для ее работы шестидесяти лет, она про-

(*) Там же. С. 192.

(**) Кирилл (Гундяев), архиеп. Указ. соч. С. 50.

(***) Документы Библейской комиссии. С. 192.

(****) Там же. С. 201.

работала менее десяти. Однако с 1915 по 1918 г. Комиссия на своих собраниях и заседаниях заслушала 10 докладов, сообщений и речей, подготовленных ее членами. «В них излагались итоги проводившихся членами Комиссии исследований по истории Библии у славян и по отдельным вопросам истории славянских церквей и славянского богослужения»*. Основными проблемами, затронутыми докладчиками, были:

1. *Вопрос о Библии, входящей в первые два тома Лицевого летописного свода*, который содержит всемирную историю в порядке древнерусского хронографа, начиная от сотворения мира. И. Е. Евсеев, основываясь на водяных знаках бумаги и на технике миниатюр, доказывал в своем сообщении о Библии Иоанна Грозного, сделанном 12 февраля 1915 г., что свод в целом (и его библейские тексты, в частности) следует относить ко времени Иоанна Грозного, т. е. к XVI в.**

2. *Вопрос о сербских библейских переводах XIV–XV вв.*, крайне слабо изученных. И. Е. Евсеев в докладе «Сербские библейские переводы XIV–XV вв.», прочитанном 6 марта 1915 г., указал на наличие в ряде книг Острожской Библии 1581 г. особого типа перевода, совпадающего, например, с сербским переводом Бесед Златоуста на кн. Бытия, что подтверждает сербское происхождение первого. Особенности этого сербского перевода XIV–XV вв. являются, с одной стороны, стремление приблизиться к позднему греческому церковному библейскому тексту, с другой — восстановить перевод св. Мефодия. Т. о., сербские библейские переводы XIV–XV вв. могут наряду с глаголическими хорватскими текстами служить материалом для восстановления одного из древнейших славянских переводов***.

(*) Там же. С. 224–232.

(**) Там же. С. 202.

(***) Там же. С. 204–205.

3. *Вопрос о переводе библейских книг с древнееврейского языка на западнорусский язык XV в.* Акад. В. Н. Перетц в своем докладе «Перевод библейских книг с еврейского по виленской рукописи XVI в.», прочитанном 21 апреля 1915 года, показал, что рассматриваемый перевод не представляет единообразия как в языке, так и в отношении к оригиналу, что дает основание предполагать, что в переводе приняло участие несколько человек. Перевод этот возник на почве, подготовленной Ренессансом, и относится к аналогичным опытам в Западной Руси в XVI в. (перевод Ф. Скорины). Значение перевода виленской рукописи для истории Св. Писания велико. Вопрос конфессиональной принадлежности переводчиков остается открытым*.

4. *Вопрос о русском переводе Св. Писания.* 31 января 1916 г. на торжественном собрании Комиссии, созванном одновременно и по случаю столетия со времени начала перевода Библии на русский язык, и по случаю I годовщины Комиссии, И. Е. Евсеев произнес речь: «Столетняя годовщина русского перевода Библии». Изложив историю перевода Библии на русский язык, И. Е. Евсеев подчеркнул: «Перевод Библии на народный язык имеет большое просветительное значение и обязывает нас к величайшей благодарности к его исполнителям. Но литературные произведения, как и люди, стареют. Устарел для настоящего времени и русский перевод Синодального издания Библии. Самый существенный недочет перевода, важный и в практическом отношении, — отсталый, сухой язык перевода. Переводчики отстали от языка и понятий своего времени, потеряли одно из необходимых условий для влияния перевода на современные и последующие поколения»**.

5. *Вопрос о чешском библейском переводе в глаголической рукописи 1416 г.* из библиотеки Пражского универси-

(*) Там же. С. 206–207.

(**) Там же. С. 212–213.

тета. Текст этой рукописи, как указал И. Е. Евсеев в своем сообщении «Пятисотлетие Чешской Библии», сделанном 6 марта 1916 г., восходит к хорватским глаголическим текстам и через них — к переводу св. Мефодия, а значит, должен быть использован при восстановлении Мефодиевского перевода*.

6. *Вопрос о Толковом Евангелии архиеп. Феофилакта Болгарского* — наиболее распространенном у славян толковании на библейские книги. И. Е. Евсеев в своем докладе «Толковое Евангелие Феофилакта, архиеп. Болгарского, в славянском переводе», прочитанном 16 декабря 1916 г., доказывал, что славянский перевод толкового Евангелия Феофилакта появился вскоре после создания его греческого оригинала, т. е. в XI–XII вв. Эта датировка подтверждается наличием заимствований из славянского перевода толкового Евангелия архиеп. Феофилакта в «Златоусте» краткого состава, в произведениях св. Кирилла, еп. Туровского, и митр. Климента Смолятича. Язык перевода, ходившего на Руси, возник в результате слияния двух предшествующих литературных форм славянского языка: формы, использованной в переводах свв. Кирилла и Мефодия, и формы, использованной в переводах книжников, трудившихся в конце IX — начале X в. при дворе болгарского царя Симеона**.

7. *Вопрос об общем характере Охридской архиепископии и деятельности Феофилакта Болгарского*. Проф. прот. В. М. Верюжский в своем докладе, прочитанном 16 декабря 1916 года, показал, что Охридская архиепископия носила двойственный славяно-греческий характер, причем славянский ее характер усиливался во время ее подчинения славянским правителям. Будучи проводником греческого влияния на славянскую среду, она в то же время служила и препятствием эллинизации славян. Эту двойственность Охридской архиепископии отражал и Фео-

(*) Там же. С. 219.

(**) Там же. С. 224–225.

филакт Болгарский: как грек, он пренебрежительно относился ко всему болгарскому, но как глава архиепископии защищал ее автокефалию, существование которой было обязано ее национальным особенностям*.

8. *Вопрос о польских библейских переводах.* Как показал И. Е. Евсеев в докладе «Польская Библия и ее отношение к Славянской», прочитанном 29 января 1917 года, старые польские переводы (XIV–XV вв.), бесспорно, связаны с древнейшими славянскими переводами Св. Писания — и терминологически и фразеологически. Безусловно, древняя основа была обработана на польской почве и в XIV–XV вв., и в XVI в. (кстати, переработанные в XVI в. тексты явились оригиналом или пособием при создании ряда западнорусских библейских переводов). Важным является то, что древняя основа польских переводов отражает кирилло-мефодиевские (т. е. ранние), а не симеоновские переводы**.

9. *Вопрос о богослужении в древней Чехии.* Акад. А. И. Соболевский на основании сопоставления текстов церковных песнопений в Пражских глаголических отрывках XI в. с теми же текстами в древнерусских списках Цветной Триоди и Стихихаря доказал в своем докладе «Восточный обряд в Богослужении древней Чехии», прочитанном 29 января 1917 года, что в чешских землях существовало богослужение по восточному обряду и по текстам, переведенным св. Мефодием или его учениками. А. И. Соболевский указал также, что знакомство чехов с древним славянским переводом Библии подтверждает ряд мест в чешской Вюртембергской Псалтири XIV в.***

10. *Вопрос о задачах Русской Церкви в отношении Священного Писания.* 28 января 1918 года состоялось годичное собрание Комиссии, которое, заслушав речь И. Е. Евсеева «Твор-

(*) Там же. С. 224.

(**) Там же. С. 228.

(***) Там же. С. 227–228.

ческие силы Библии», приняло резолюцию, выражающую пожелание, чтобы церковный собор издал постановление относительно домашнего чтения русской Библии. Кроме того, в резолюции содержалась просьба к собору принять меры для организации работы по устранению неточностей и неясностей славянского перевода, устранению несоответствия литературным требованиям русского перевода Библии, установлению состава Библии и приведение в надлежащий вид паримийных чтений*.

Т. о., Комиссия занималась исследованием самых различных сторон 1000-летней истории Библии у славян, начиная с перевода свв. братьев-просветителей, и кончая русским переводом Св. Писания. Текстологические результаты, достигнутые Комиссией, заключались в установлении редакций славянского перевода:

а. «Для книг *Чисел* и *Второзакония*, как и вообще для Пятикнижия, были выделены три редакции. Первая, древнейшая, содержит перевод св. Кирилла. Редакция эта неполная, находится в паримийниках и потому называется паримийной. Основная рукопись, представляющая эту редакцию, — Григоровичев паримийник, который начал издавать Р. Ф. Брандт. Вторая — южно-славянская — редакция восходит к переводу св. Мефодия. Эта редакция, называемая также «четьей», полная. В качестве основных рукописей, представляющих эту редакцию, были указаны: для книги *Чисел* — Григоровичев список Румянцевского музея, для книги *Второзакония* — список собр. Е. В. Барсова № 3 и Севастьяновский список. Третья — русская — редакция (также полная или «четья») восходит к симеоновской редакции славянского перевода Св. Писания. А. В. Михайлов, издававший славянский перевод книги *Бытия*, полагал, что в качестве основной рукописи, представляющей третью редакцию, должен быть взят список Ундольского № 1, но эту точку зрения не разделяла Библейская Комиссия.

(*) Там же. С. 231–232.

б. Для книги *Иисуса Навина* были выделены следующие три редакции: паримийная, содержащая древнейший перевод св. Кирилла; четья, содержащая перевод св. Мефодия (яснее всего представленная в Острожской Библии), и четья симеоновская*.

в. Для книги *Судей* были установлены следующие редакции: первая, неполная, содержащая перевод св. Кирилла, в качестве основного списка которой был указан Григоровичев паримийник; вторая, полная, содержащая перевод св. Мефодия, сохранившаяся в глаголических бревиариях (богослужебных книгах славян-католиков, написанных глаголическим письмом), а в кириллических четьих списках отсутствующая; третья, также полная, симеоновская, представленная в кириллических четьих списках. Последние разбиваются на две группы: южнославянские и русские. Основным южнославянским списком считается Григоровичев список № 1684, основным русским списком предлагалось считать список собрания Троице-Сергиевой лавры № 2**.

г. Для книги *Руфь* было установлено две редакции: первая содержится в глаголическом тексте этой книги, издававшемся И. Вайсом (*J. Vajs. Liber Ruth. Veglae, 1903*); вторая — в кириллическом тексте. В качестве основного списка второй редакции был взят список собрания Троице-Сергиевой лавры № 2. Допускалось, что списки второй редакции могли распадаться на южнославянские и русские***.

д. Для книги *Иова* были установлены те же редакции, что и для книги *Судей* (Мефодиевская редакция по *J. Vajs. Liber Job. Veglae, 1903*)****.

(*) *Логачев К.* Библейская комиссия и изучение истории Библии у славян // ЖМП. 1974. № 7. С. 79.

(**) Там же.

(***) Там же.

(****) Там же.

е. Для книги *Притч Соломоновых* были установлены три редакции: паримийная, четья с измененным (по сравн. с оригиналом) порядком глав в конце книги, и четья правленная. Обстоятельства создания четых редакций остались невыясненными*.

ж) при предварительном изучении книги *Екклесиаст* выяснилось, что книги этой в паримийниках нет и что древнейший текст ее содержится в глаголических текстах, изучавшихся И. Вайсом**.

з. Для книги *Премудрости Соломона* было установлено лишь наличие редакции, содержащей перевод св. Кирилла и встречающейся в паримийниках. Оставалось неизвестным, была ли эта книга переведена св. Мефодием и при Симеоне, т. е. существует ли эта книга во второй и третьей редакциях***.

и. Для книг *малых пророков* были установлены три редакции: редакция, представленная в паримийниках и содержащая перевод св. Мефодия, имеющаяся в глаголических бревиариях (у Вайса) и немногими четыми кириллическими списками; редакция, содержащаяся в большинстве четых кирилловских списков и основывающаяся на симеоновском переводе. Однако отдельные книги малых пророков обнаруживают интересные особенности. Так, перевод св. Кирилла для книги пророка Аввакума должен восстанавливаться не по паримийникам, а по древнеславянской Псалтири, содержащей пророческие тексты в отделе библейских песен. У книги пророков Аггея, Захарии и Малахии не было симеоновской редакции. Книги пророков Осии и Аггея не имеют первой редакции.

к. Для книги *Премудрости Иисуса, сына Сирахова*, было выделено две редакции неясного происхождения****.

(*) Там же.

(**) Там же.

(***) Там же.

(****) Там же. С. 79–80.

Для всех вышеупомянутых книг Ветхого Завета, а также для книги Песнь Песней были составлены, в общем, полные списки рукописей славянского перевода.

Благодаря проделанной работе и результатам исследований, Библейская комиссия смогла установить последовательность переводов, которые выглядят следующим образом:

1) Переводы свв. Кирилла и Мефодия. К ним относятся книги Нового Завета, Псалтири и Паримийника; к ним примыкает перевод св. Мефодия так называемой «*четьей*» части Ветхого Завета.

2) В IX–X вв., при царе Симеоне в Болгарии, были сделаны «*четы*» переводы, а также и другие переводы, вошедшие в сборники «*катен*». Они были сделаны на основе начального Мефодиевского перевода как наслоение от него.

3) По Вульгате в XIII–XIV вв. у хорватов глаголитов было сделано восполнение недостающих текстов.

4) Тырновская и Ресавская правки текстов по новым греческим текстам, которые были проведены в Болгарии в XIV в. по инициативе патр. Евфимия и в Сербии в правление деспота Стефана Высокого (XV в.). Отсутствие в научном употреблении строго установленных признаков этих изводов говорит о том, что они до нас либо не дошли, либо пока еще не признаны наукой существующими*.

Вопрос же о первоначальном составе кирило-мефодиевского перевода мог быть окончательно решен, по мнению членов Комиссии, только лишь на завершающем этапе ее работы. Но, увы, этому не суждено было произойти.

В научном отношении из документов Комиссии весьма интересна полемика между А. В. Михайловым и И. Е. Евсеевым.

(*) *Кирилл (Гундяев)*, архиеп. К вопросу о реконструкции кирило-мефодиевского перевода Священного Писания. С. 52.

Как мы уже говорили, И. Е. Евсеевым были подготовлены «Руководственные соображения и правила для академического издания Славянской Библии», в которых им была определена очередность издания библейских книг, указано на необходимость извлечения библейских цитат из небиблейских книг — хронографов, пален, изборников, переводов святоотеческой литературы и др.; текст каждой книги предложено было им издавать в виде параллельных столбцов, каждый из которых представлял особую редакцию книги, к которой должны были подводиться разночтения из других списков данной редакции*.

А. В. Михайлов от имени Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества подготовил «Приложение к Положению и правилам Комиссии по научному изданию Славянской Библии при Императорской Петроградской Духовной академии». Основные идеи этого «Приложения» можно свести к следующему.

1. Славянскую Библию необходимо издать во всем многообразии ее рукописных текстов X–XVII вв. — богослужебных, четных, толковых.

2. Цель издания заключается именно в издании, а не в исследовании; само издание должно стать инструментом будущих библиистических исследований. Ввиду этого научное издание должно быть осуществлено в пределах славянских текстов без обращения к оригиналам, с которых были сделаны переводы.

3. При выборе основного текста редакции нужно отдать предпочтение менее древнему, но сохранному списку перед более древним, но фрагментарным: выбор фрагментарного текста повлечет за собой необходимость его восполнения, что нарушит желательное единство основного текста.

(*) Документы Библейской комиссии. С. 168–170.

4. Критический аппарат издания должен включать в себя возможно большее количество вариантов. «Чем полнее отразятся в печати подсобные рукописи, особенно более древние из них по происхождению и тексту, тем более в нашем распоряжении будет материал для суждений о значении списков и текстов для той или другой библейской книги, их взаимоотношения, испытанных ими влияниях и тем, следовательно, всестороннее и правильное выяснится перед нами история текста древнеславянского перевода Библии с его многовековой эволюцией в прошлом у южных славян и в России»^{*}; в научном отношении будет осмотнительнее привести как можно больше вариантов, ибо «даже индивидуальный вариант может иметь большое значение для характеристики текста или его происхождения»^{**}. Все варианты предлагалось разделить на четыре вида:

а) качественные (слова и выражения, изменяющие смысл; слова синонимические; синтаксические различия в согласовании, управлении и проч.; глоссы на полях; явные ошибки, свидетельствующие о непонимании писцов), которые в полном объеме должны быть представлены в критическом аппарате;

б) количественные (вставки, пропуски, перестановки, деление на главы и т. п.) также должны полностью найти отражение в критическом аппарате;

в) орфографические, которые приводятся в аппарате лишь в том случае, если отражают местную, диалектную особенность языка писца;

г) палеографические варианты не приводятся.

5. К изданию должен быть приложен полный славяно-греческий словарь.

(*) Там же. С. 176.

(**) Там же.

На заседании Комиссии 29 января 1915 года И. Е. Евсеев выступил с резкой критикой этих предложений. Он упрекал Славянскую комиссию в том, что она стоит на почве донаучного издания тестов Славянской Библии без всякого предварительного их изучения, а в максимально возможном приведении вариантов видел нагромождение чернового материала*. «В научном издании Славянской Библии, по нашему мнению, должна быть дана в собственном смысле Славянская Библия в ее основных руслах или исторических проявлениях, а не черновой материал для ее восстановления. Отсюда неизбежно вытекает, что весь черновой материал должен преодолеть своим изучением сам издатель, а для этого он должен быть и исследователем текста**». Если главное значение имеют не списки и их отношения, а редакции и изводы, то этим должен определяться и выбор вариантов для критического аппарата. И. Е. Евсеев предлагает разделить варианты на редакционные и личные, первые включить в аппарат, а вторые оставить за его пределами, напечатав в особом приложении к изданию. Для определения редакций славянских текстов И. Е. Евсеев, как видно, считал возможным опираться на греческий текст той или иной разновидности, ибо «точно установленный оригинал перевода — самый надежный свидетель первоначального вида и судьбы перевода, не заменимый ни в коем случае ни языковыми, ни графическими признаками***».

Собрание Комиссии после обсуждения этих докладов и недолгих колебаний приняло в качестве рабочего документа «Руководственные соображения и правила» И. Е. Евсеева.

Из данной полемики видно, что главные действующие лица Комиссии — А. В. Михайлов и И. Е. Евсеев имели разное пред-

(*) *Камчатнов А. М.* Указ. соч. С. 41.

(**) *Документы Библейской комиссии.* С. 199.

(***) Там же. С. 200.

ставление о цели издания славянской Библии. «Для А. В. Михайлова главное в издании — это его стимулирующая роль для новых исследований по истории Славянской Библии, он видит в нем мощный инструмент таких исследований. Поэтому А. В. Михайлов очень осторожен в оценках; он совсем не против предварительного текстологического изучения списков библейских книг и сам немало сделал в этом отношении, но он ни в коем случае не считал это изучение законченным, которое осталось лишь увенчать научно-критическим изданием. Отсюда его стремление расширить критический аппарат вариантами, так как то, что сегодня кажется личным и случайным, завтра может получить иную оценку. Между прочим, и сам И. Е. Евсеев не дал четкого и ясного критерия для различения редакционных и личных вариантов в списках библейских книг»*. По мнению современного исследователя, деятельности Библейской комиссии, «научному спокойствию и трезвости А. В. Михайлова И. Е. Евсеев противопоставлял не столько научную истину, сколько свою убежденность в том, что он считал истиной. Издание Славянской Библии, будь оно сделано по плану И. Е. Евсеева, было бы памятником его филологическим убеждениям, памятником славянской библеистике начала века. И. Е. Евсеев полагал, что славянская библеистика может перескочить через те этапы, которые были пройдены греческой библеистикой (издание Ветхого Завета Холмза — Парсонза 1797–1828 гг. с множеством вариантов, издание Нового Завета К. Тишендорфом и др.). А. В. Михайлов, по-видимому, хотя он прямо об этом не пишет, считал, что критические издания Славянской Библии должны пройти все этапы своего естественного развития»**.

(*) *Камчатнов А. М.* Указ. соч. С. II.

(**) Там же. С. 41–42.

К. И. Логачев, оценивая концепцию И. Е. Евсеева, писал, что тот «настойчиво боролся за то, чтобы поднять исследовательское достоинство филолога, не допустить низведения его до роли «механического собирателя чернового материала», «ученого тряпичника», освободить его «от рабского преклонения перед массой материала ремесленного происхождения»*. А. В. Михайлов, разумеется, также не был ни «механическим собирателем», ни «ученым тряпичником»; он был ученым, то есть человеком, который хорошо понимает относительность и ограниченность своих познаний, понимает, что достоверность его филологических выводов может быть оспорена с открытием новых источников и новых методов их изучения. Поэтому он настойчиво противопоставлял издание и исследование: издание может быть одно, а на его основе могут быть созданы разные исследования; издание, в особенности первое, должно быть максимально освобождено от всего субъективного, давать объективную картину твердо установленных редакций и вариантов списков»**.

По отношению к оригиналам славянских переводов, конечно, осторожная позиция А. В. Михайлова стоит выше концепции Евсеева: «В самом деле, оригинал может помочь в лучшем случае установить состав первоначального перевода, а не сам перевод, поскольку одно и то же чтение может быть переведено по-разному, вследствие чего оригинал может быть лишь вспомогательным средством при разделении славянских списков той или иной книги на редакции»***.

Последним выступлением И. Е. Евсеева было напечатанное отдельной брошюрой письмо Поместному Собору Русской Пра-

(*) Логачев К. И. Кирилло-мефодиевские переводы у южных и восточных славян. Л., 1988. С. 31.

(**) Камчатнов А. М. Указ. соч. С. 42.

(***) Там же.

вославної Церкви 1917/18 гг., в котором он вновь ставит вопрос о пересмотре текста Славянской и русской Библии для устранения его неясности и темноты, а также вопрос о возвращении к кирилло-мефодиевскому типу перевода*.

После 1917 г. Библейская комиссия вошла в состав Отделения русского языка и словесности РАН, однако в 20-е годы, после смерти И. Е. Евсеева, деятельность ее практически прекратилась, как прекратились вообще всякие исследования в области славянской библеистики. В то сложное время памятники старославянской письменности использовались лишь как источники по исторической грамматике славянских языков**.

Но необходимо подчеркнуть, что благодаря трудам членов Комиссии удалось начать серьезнейшее библиографическое предприятие, которое современники по праву ставили наравне с Septuaginta-Unternehmen, ибо критически изданный славянский текст Св. Писания, являясь важнейшим свидетелем своего греческого оригинала, должен был послужить дальнейшему научному изучению последнего***. Несмотря на не осуществившийся проект Библейской комиссии, ей все же удалось заложить прочный фундамент, необходимый для всестороннего изучения славянской Библии. Ведь и она, являясь, с одной стороны, плодом апостольской ревности свв. Кирилла и Мефодия, с другой стороны, была результатом их необыкновенной учености, без которой современному исследователю Библии также никак нельзя обойтись.

(*) *Евсеев И. Е.* Собор и Библия // Ученые записки Российского Прав. ун-та ап. Иоанна Богослова. Вып. 1. М., 1995. С. 29–34.

(**) *Камчатнов А. М.* Указ. соч. С. 42.

(***) *Алексий (Макринов)*, иерод. Вклад С.-Петербургской — Ленинградской Духовной академии в развитие библеистики // Богословские труды. Юбилейный сборник ЛДА. М., 1986. С. 209.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Божественный Промысел о славянах выразилось в том, что из византийской среды в определенную эпоху вышли просветители славянства, что было естественным христианским отношением византийского содружества к «внешним», непросвещенным светом Христовым народам. На византийской почве, очевидно, зародились первые ростки славянской письменности. Первым славянским алфавитом была глаголица. Отражая греческое «графическое мышление» своего создателя и звуковой ряд, идентичный славянской речи, она была абсолютно оригинальной по своему виду. На основе этой азбуки создавались первые переводы — богослужебные тексты, которые, видимо, имели протографом греческий асматический типикон. Это Евангелие-апракос, Апостол-апракос, Псалтирь и Профилогий — сборник ветхозаветных богослужебных чтений; позже были переведены иные библейские книги, кроме Маккавейских (впрочем, вопрос об объеме переведенных текстов остается открытым).

Будучи принесенными свв. братьями Кириллом и Мефодием в Моравию, они, по неблагоприятным для миссии причинам, попали в Болгарию, откуда и достигли новокрещеной Руси. Славянские библейские тексты имели и другие пути проникновения в русские земли: купеческие колонии в Константинополе и Фессалониках, монашеские общины Афона и миссионерский аванпост Византии — Крым. Через эти области славяно-русско-византийского общения книги хлынули на Русь, где стали переписываться и собираться в

кодексы, сборники и богослужебные собрания. Так возникли русские скриптории, которые, однако, в годину татарского лихолетья, за исключением храмов северных областей, были уничтожены. Новгородский скрипторий был одной из немногих сохранившихся от библиотек. В XV веке он и стал центром русской православной образованности. Здесь же века была предпринята попытка объединения уцелевших списков библейских книг. Поводом для этого послужили, во-первых, культурно-религиозный подъем христианской Европы и возникновение книгопечатания; во-вторых, возникнувшая в данном регионе как побочное явление европейских «ренессансов» ересь «жидовствующих». Свт. Геннадию Новгородскому удалось собрать первый полный славянский кодекс библейских книг, что стало и особо ценным оружием в борьбе с еретиками. В 1581 году Новгородская Библия с поправками была напечатана на Воыни кн. Константином Острожским. Позже, в 1663 году, ее переиздали в Москве — новом национальном центре зарождающегося государства. Петр I решил было исправить этот кодекс по греческому переводу, но не успел осуществить своей идеи из-за скоропостижной кончины. Лишь в 1751 году это было осуществлено. Новая Библия получила название Елизаветинской (в честь императрицы Елизаветы Петровны, покровительствовавшей этому труду).

С конца XVIII века, в связи с ростом протестантизма в Европе, в России пробуждается интерес к славянскому переводу Библии в университетской и академической сферах. В XIX веке в Германии началась подготовка к научному изданию греческого текста Библии, что вызвало интерес немецких библеистов к славянским библейским текстам, являвшимся, по их мнению, прямыми свидетельствами Септуагинты. Бурный рост славистики в Европе и в России привели к тому, что в начале XX века в Санкт-Петербурге была основана Комиссия по научному изданию Славянской Библии. Революционные события и эпоха социализма свели к нулю это научное предприятие, законсервировав на многие годы громадный по своему объему и бесценный по своей значимости капитал Библейской Комиссии, который в наше время нуждается как в сохранении и изучении, так и в достойном применении.